

Люция БАРТАШЕВИЧ

Люция Александровна БАРТАШЕВИЧ родилась в Ленинграде. Окончила ЛГПИ им. А.И.Герцена, работала учителем. Кандидат филологических наук. Автор ряда статей по современной русской литературе. В "Севере" печатается с 1991 года. Живет в Санкт-Петербурге.

ЧИСТАЯ КНИГА О РОССИИ

Толстые литературно-художественные журналы в 1998 году познакомили читателя с прозаическими произведениями различных достоинств и манер, ждущими своего осмысления. Среди них роман Владимира Маканина "Андеграунд, или Герой нашего времени", заставивший критиков на некоторое время отступить, не добравшись, с моей точки зрения, до сути в понимании текста; первая книга оригинального "Бестселлера" Юрия Давыдова; "Веселый солдат" Виктора Астафьева; заслуживающие самого серьезного внимания суровые рассказы Олега Павлова из "Степной книги"; воспоминания Анатолия Кима "Мое прошлое"; очерки изгнания Александра Солженицына "Угодило зернышко промеж двух жерновов", вызывающее противоречивые чувства; интереснейшие публикации из дневников Михаила Пришвина 1939 года и многое другое. У каждого читателя свои пристрастия и вкусы, каждый сделает на литературной карте года свои пометы, тем более что есть из чего выбирать: одному ближе "Единорог" Олега Ермакова, другого привлечет Нина Горланова, кому-то мил окажется роман Людмилы Улицкой "Веселые похороны", иной захочет оценить достоинства и недостатки "Самоучки" Антона Уткина... Замечу, что последнее время среди напечатанного меньше стало произведений "мастером опустелого слова", как удачно выразился Валентин Курбатов, хотя шедевры, разумеется, далеко не на каждом шагу.

Именно потому, что литературную панораму года грешно назвать скудной, а также из-за опасения, что читатель может не

обратить внимания на достойное произведение, находящееся на духовной магистрали литературы, лишь по той причине, что причислят его к традиционной реалистической литературе неоднократно клятого прошлого, я и пишу о нем. Речь о "Чистой книге" Федора Абрамова, ¹ давшей мне ощущение ясности, чистоты и нравственного здоровья, особенно дорогих в нашу пору, когда писатели иной раз либо опутывают липкой словесной паутиной, либо заняты игрой на пустотах, либо погружают в грязь: чем глубже — тем лучше.

Собственно, романа нет — он не закончен, но о нем получаешь довольно-таки полное и глубокое впечатление. Заслуга в этом не только писателя, но также составителя и комментатора публикации Л. Крутиковой-Абрамовой, которая в течение долгих лет наблюдала за рождением романа. Первые записи для него были сделаны еще в 1958 году, а первые главы написаны в 1983-м. Из обстоятельного вступления узнаем, что первоначально книга была задумана как рассказ о гражданской войне на Пинеге, впоследствии писатель хотел провести своих героев через события 1937 года. Л. Крутикова-Абрамова пишет: "Книга должна была вместить весь жизненный и духовный опыт Абрамова, его многолетние размышления о судьбе России, о русской истории, русском характере, о путях развития России и всего человечества, о сложной природе человека, о смысле и назначении

¹ Федор Абрамов. Чистая книга. "Нева", 1998. № 11.

человеческой жизни". И хотя публикация предлагает читателю знакомство лишь с восемнадцатью небольшими главами авторской белой рукописи, а двенадцать глав составлены из многочисленных черновых набросков и заметок (как бы "конспект романа"), реально ошутим предполагаемый масштаб неоконченного произведения, рожающий удовлетворение от общения с большим художником, которому есть что сказать людям и сказать так, чтобы его поняли. Перед нами не зашифрованный постмодернистский текст, а классического типа русский реалистический роман, где "все понятно, все на русском языке" (Александр Твардовский).

Уверенность руки писателя, доброта словесной ткани ошутимы прежде всего в белой рукописи. Начало первой главы романа светло и радостно:

"Огнейка проснулась — журавли курлыкают, гуси-лебеди трубят, ручьи поют-заливаются.

Весна!

Но откуда же весна? Вечер ложились, был пост Великий. Неужто весь пост проспала?"

Читатель сразу же вовлекается в народно-поэтическую атмосферу романа, знакомясь с настроением одной из главных героинь, угадывая ее возраст, проникается ее чистотой и непосредственностью.

Из первой главы, как из почки, развертывается весь роман, в ней завязываются многие его сюжетные и смысловые узелочки: мы беголо знакомимся с некоторыми членами бедной семьи Порохиных, судьбы которых потом прослеживаются в непростом историческом переплетении событий первой трети XX века, узнаем, с какой настороженностью и недоумением встречено после событий 1905 года появление в деревне ссыльных, идущих против царя. Федосья Порохина разговоры о ссыльных ощущает как тему опасную. Главное же впечатление от первой главы романа — появление сказительницы Махоньки (Марии Екимовны), которую мы видим детскими восхищенными глазами Огнейки: "Стоит старушечка-говорюшечка, шубейка старенькая с разводами, котомочка за спиной, на руке коробок с кусочками, прикрытый белой холстиной, — и поклон, к каждому слову поклон, — ни дать ни взять, из сказки вывалилась". За непосредственным детским восприятием, схватывающим прежде всего внешние детали облика Махоньки, кроется пристальный писательский. Как меняется эта крошечная старушка, обремененная долгими годами несладкой жизни,

когда перед нею благодарная аудитория слушателей, — орлица! Куда делись старческая немощь, шепелявость беззубого рта, усталость?.. Вдохновленная историями князя Владимира, царя Ивана Васильевича, богатырской силой Ильи Муромца или веселой "небывальщиной", Махоня из старушки в цветастых шерстяных чулочках домашней вязки чудесно преобразается: "Скуластое широкоглазое лицо Махоньки от впалого морщинистого рта, в котором победно сверкал один-единственный зуб, до корней седых волос, аккуратно заправленных под подвойник, омылось счастливой улыбкой..." Эти описания, построенные на основании ряда зримых впечатлений, позволяют предполагать в Махоньке сильный и самобытный характер.

Прототип Махоньки, занимающей в книге главное место (ранее Абрамов думал отдать его Огнейке), — гениальная сказительница Пиннежа Мария Дмитриевна Кривоколова, биография которой писатель внимательно изучал. Смысл и значение этого образа обозначились тогда, когда Абрамов открылась "философия" "Чистой книги": "Жизнь в своих истоках всегда чистая, и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несет в себе эту чистоту, насколько он художник, творец... Мера отсчета — Махонька", — читаем в записях Абрамова 30.03.79.²

Именно она предстает воплощением русского национального характера, извечную загадку которого пытается разгадать Абрамов. Многочисленные черновые записи в "беловой" главе превращаются в характеристику "загадочного", "удивительного" существа — Махоньки: "Всего-всего в ней было написано, ото всех взято: от взрослого и от ребенка, от праведницы и от скомоороха, от вечной бродяги-странницы и от вешей, все понимающей старушки, какую только можно встретить в сказках". Таково причудливое единство противоречий национального характера. Не случайно неоднократно подчеркивание детского в Махоньке: ребенок чист и непосредствен, им движет в первую очередь чувство, верности которого Абрамов доверяет больше, нежели построениями ума, иной раз и лукавым. Не раз писатель показывает, на какие нечестные и неправедные пути заводит людей рационалистический подход к жизни.

² Здесь и далее обращаюсь к материалам из черновых заметок и набросков писателя, собранных Л. Крутиковой-Абрамовой в главах второго раздела публикации.

Вокруг Махоньки Абрамов как бы “собирает” весь роман, выстраивая его проблематику. Однако он не сразу пришел к счастливой мысли сделать ее нравственным центром романа: “Все томился: нет интеллигентной вышки в “Братьях”, вот будет в “Чистой книге”, когда введу интеллигенцию. Ан нет. Махонька всему судья. Она выше оказалась и интеллигентов, и людей из народа. Выше и мудрее”. Причина этого, по Абрамову, в том, что она несет в себе “исторический опыт нации”. На Махоньку писатель смотрит снизу вверх, ни в чем не оспаривая правильность ее существования, несколько идеализируя. Махонька богата духовно, самодостаточна и знает себе цену, она свободна и независима. Не нищенкой ходит по земле, собирая кусочки, — ей принадлежит вся земля, весь многоцветный мир: “Каждая береза, каждый кустик, каждая травинка ей в поле кланяются. Да свои песни поют. И птицы — ох как хорошо приветчают...” Единение с природой — основа радостного мироощущения. В природном мире для Махоньки органически присутствует человек как часть единого гармонического целого. Она сочувствует человеку в его трудном существовании, хочет вдохнуть в него оптимизм, дать “батожок в руки”. Но у нее твердое представление о добре и зле в жизни, безошибочное чутье на человека хорошего и плохого. Кровавый братоубийственный характер гражданской войны отвергается ею, потому что, считает она, хорошее и доброе нельзя строить на крови. В подготовительных записях к роману мы видим Махоньку в самой гуще событий. Однако я плохо ее представляю в качестве миротворца на поле брани и не разделяю восторга Абрамова по поводу этого художественного открытия: оно кажется мне натянутым. Но, повторяю, это лишь замисел. Возможно, его художественное выполнение оказалось бы убеждающим, возможно также, что Абрамов отказался бы от такого штриха, завершающего образ Махоньки.

Даже по тому немногому, что было сказано о Махоньке, видно, что она выполняет в романе художественную функцию, которая обычно в русской литературе принадлежала интеллигенции. Но у Абрамова героиня из народной среды занимает более высокую нравственную ступень. Один из ссыльных восторженно замечает в своем дневнике: “Третий день слушаю Махоньку. Три дня читает стихи... Какая память! Гомер... С изумлением всматриваюсь. В ней вся наша история”. Для Абрамова Махонька — воплощение черт русского человека и

его истории, потому ей уделено столько внимания в романе о сломе России первой трети XX века. Разумеется, в романе, задуманном как широкое эпическое полотно, необходимо было подробно остановиться на умонастроении интеллигенции в этот период.

В конспективных записях к нему писатель характеризует три типа политических ссыльных, в разной степени влияющих на дальнейшее развитие событий. Прежде всего это Буров, в котором писатель отмечает нищенское начало, — фанатик революции, представляющий наибольшую опасность для России, определяемый Абрамовым как “сталинский тип”. Писатель проверяет Бурова на человеческую состоятельность отношением к народу, об отстаивании интересов которого он пламенно говорит, но конкретного народа не любит. Абрамов отмечает такой характерный момент: многие ссыльные, даже уголовники, прониклись интересами деревни. Для Бурова такое поведение было ниже его ложно понимаемого достоинства. Крестьяне, вообще относящиеся к ссыльным с недоверием (как и куда они могут повести народ, если друг с другом не могут поладить?), Бурова особенно не любили. Один из ссыльных спрашивает Махоньку, почему городские ей не нравятся.

— А жизни они не любят. Гордыни много. Нос больно задирают.

— А Буров?

— Он-то вот и не нравится. Холодный. При солнышке душа мерзнет. Летом от него холодно”.

Абрамов отказывает Бурову в человеческом обаянии. В нем “живая жизнь”, так дорогая писателю, убита раз принятыми на вооружение догмами. Мир Буровых — бедный, оскотленный мир, по которому он равнодушно скользит “холодными”, “зимними” глазами. Буров не в состоянии воспринять многоцветье жизни.

— Красота, — кто-то говорит. — Смотри, сколько красок...

— Для меня существует один цвет — красный”, —

неумно бравировует Буров своей революционностью. За фразерством не стоят ни миропонимание, ни мироощущение, ни мировоззрение, — они ведь развиваются в активном взаимодействии мира и человека, а все человеческое чуждо Бурову, потому он и несостоятелен как преобразователь жизни. Этому типу русской революционной интеллигенции Абрамов уделяет особое внимание, так как видит его исключительную опасность. Однако, что самое страш-

ное и есть, за Буровым идет молодежь, увлекаемая революционной фразой, а в “телохранителях”, окружающих Бурова, писатель прозревает явление, впоследствии получившее опасное продолжение в существовании партийной камарильи. Эти мысли лишь заявлены, они не нашли воплощения в незаконченном романе, но Абрамов, и это главное, сумел предусмотреть дальнейшее художественное развитие исторического типа. Дальнейшая судьба Бурова должна была выглядеть так: при Сталине он делает большую карьеру и в 30-е годы предает смерти тех людей, с которыми находился в ссылке. Именно они-то и обозначены в рабочих записях писателя как два других типа революционеров.

Намечена фигура Вехова — революционера народнического толка. Его можно считать сторонником теории “малых дел”, которую автор реабилитирует в глазах читателя. Но любовь Вехова к народу, по мнению Абрамова, “слепая, экзальтированная”.

Юра Сорокин, самый молодой из ссыльных, в прошлом примерный гимназист из семьи урядников 70-80-х годов, впоследствии увлекшийся романтикой подпольных кружков, наиболее близок Абрамову. “Политический младенец”, по определению писателя, в ссылке он “всему учился заново”. Нравственная чистота, внимание к жизни, людям, ум позволял ему выбрать свой жизненный путь. Он изучает крестьянский мир, его нравы, обычаи, фольклор, сближается с Махонькой, восхищен ее талантом. В черновиках Абрамова есть “Дневник Юры” с интересными наблюдениями о жизни северной деревни, которую писатель любил и прекрасно знал. Авторские мысли и чувства передованы в дневнике наиболее симпатичному Абрамову герою (Север не дик и темен, а наиболее развитой край России, суровые условия жизни не заглушили в северянах их светлой души и талантливости, они мастеровиты, чутки к красоте: старинные дома — “деревянные поэмы”, церкви и соборы — “песнь из дерева” и т.д.). На первых порах просветительские идеалы не отдаляют Юру от революции: он лишь стремится к тому, чтобы марксистская доктрина нашла национальное воплощение, но совместить одно с другим оказывается невозможно. Продумывая личную судьбу Юры Сорокина, писатель все более и более разводит его с революционерами “сталинского типа” (женитьба на Огнейке, занятия ученого, арест и расстрел в 1937 году).

Абрамов, намечая характеры героев, рисует их предполагаемую судьбу, уже во вре-

мя подготовительной работы находит конкретные детали, выразительные штрихи, словесные определения, неповторимые краски, лепит образы и ситуации в процессе их обдумывания. Очень часто записи перемежаются диалогами, наглядно рисующие споры в среде революционеров. Сошлюсь хотя бы на один очень характерный пример. Буров отмечает, что позиция Вехова — “типичное народничество”, теория “малых дел”.

— Почему же? — с хитроватой наивностью спрашивает Юра.

— Потому что такие, как Вехов, отвлекают народ от революции. Это выгодно существующему режиму.

— А может быть, крестьянину еще более выгодно?

— Нет, чем ужаснее будет положение народа, тем лучше для революции.

— Но позволю, позволю. А если революция не придет еще лет двадцать?

— Это безверие. Россия беременна революцией”.

Диалог продиктован конкретно-историческими обстоятельствами и звучит в конкретное предреволюционное время, но это вечный вопрос о том, оправдывают ли любые средства благородные или кажущиеся таковыми цели, допустимо ли приносить человека в жертву абстрактному идеалу процветания в будущем. И если уж сурового и резкого Базарова (Тургенев. “Отцы и дети”) смущала мысль о том, хорошо ли, если мужик со временем будет жить в беленой избе, а из него — расти лопух, то уж нашему поколению, с муками прошедшему через неугасимые людские костры во имя светозарных абстракций, ясно, с кем соглашаться, на чью сторону становиться в идейных спорах революционеров прошлого.

Широко охватывая картину жизни различных социальных слоев северной деревни, Абрамов вопросы революционной этики решает применительно к каждой человеческой судьбе. И хотя в его романе речь идет и о бедняках (многодетная семья Порохиных, в которой нет кормильца, Махонька), и о богатых (купцы Губины, Копаневы, Володины и Кыраловы), и о сельском священнике, и о старообрядцах, и об интеллигенции, классовый, социальный подход воспринимается им как ложный, ограниченный, не учитывающий неповторимость каждого человека.

В одинаковых обстоятельствах характеры проявляют себя очень индивидуально, судьбы складываются различно. Вольно или невольно каждый из героев вовлечен в сферу революции и гражданской войны.

Рассказывая о драме в семье Порохиных, Абрамов, например, особое внимание уделяет судьбе двух старших братьев. Писатель задает такой вопрос: "Савва и социалисты мечтают обновить Россию, сделать ее счастливой. Через революцию, через войну, через братоубийственную бойню. А что это дает?" Иван, средний брат, человек иного типа, иного жизненного опыта, "философ", по определению Абрамова, не безразличный к спорам ссыльных и судьбе брата человек, осуждает бездумное разрушение старого общества. Он по природной склонности и во многом под влиянием умнейшего старика, главного приказчика всемогущих купцов Щепоткиных, формируется как человек дела. Абрамов подчеркивает, что Иван "не просто карьерист и авантюрист", как легко может показаться. Писатель убежден, что помочь России могут лишь деловые люди (буржуазия) и интеллигенция. Слова эти написаны тогда, когда так не принято было мыслить, но, к счастью, Абрамов никогда не считался с конъюнктурными соображениями. Он вкладывает в уста Николаида смелый приговор: жервутют жизнью во имя революции лишь "нищие духом либо те, которые не разглядели, что такое жизнь. А жизнь — это работа". Не случайно Абрамов обращает внимание на земство ("самоуправление, которое расковывает народ", по словам Николаида), придавая ему серьезное значение в общественном переустройстве России. Писатель наделяет и Ивана пониманием этих мыслей, делает его защитником эволюционного пути. Судьба Ивана не безмятежна: хозяйка увольняют его со службы, отдают в солдаты. Гражданская война ставит братьев по разные стороны баррикад. По словам Абрамова, Савва, комиссар отряда, — "меч и кара революции...", белогвардеец Иван не расстреливает пленных. Однажды в его руки попадает брат Савва. Вот сцена из черновых набросков: "Безжизненное мертвое поле, занесенное снегом. Два живых человека на всю Россию — так кажется... Иван отпускает брата и дает ему пистолет.

— Не хочу, чтобы повторился в нашей семье библейский грех братоубийства.

— Ты меня убьешь, если у тебя будет оружие?

— Убью.

— А может, правильно и сделаешь. Мне больше незачем жить на этом свете. Савва говорит, что Иван его злейший враг. Развалил фронт.

— А не хватит ли, брат, крови? Ради чего мы вытоптали цвет нации, цвет народа? Не представляю этих слов напечатанными

при жизни Абрамова. А если бы это было, то вызвало бы обвинения в адрес писателя.

Задуманный Абрамовым роман и частично обретший за десятилетия плоть по сравнению с "Братьями и сестрами" обнаруживает возросшую смелость писательской мысли — следствие углубления понимания жизни, естественного процесса развития творческой личности. Она не сродни конъюнктурной смене убеждений в бурный перестроечный и постперестроечный период. Черновые записки к роману позволяют проследить за изменением взглядов Абрамова, за тяжелой и честной внутренней работой в писателе. Фактически происходит пересмотр исторического развития России в XX веке, произносится приговор революции 1917 года, столкнувшей Россию с эволюционного пути. Ко времени начала работы над романом — и чем дальше, тем больше — Абрамов становится все более ясно лагубностью происходившего в начале века. По сути дела он создает современный роман на историческом материале. Вот приведенное составителем публикации высказывание писателя: "...Явилась дерзкая мысль — перенести сегодняшние споры в дореволюционное время. Там начало начал (Определение "дерзость" Абрамов относит не к литературному приему, что встречалось до него неоднократно, слово это имеет содержательный смысл. — Л.Б.)... Наконец-то появилась общая идея. Роман о прошлом, не теряя своей исторической достоверности, становится остро современным (подчеркнуто мною. — Л.Б.). История, не переставая быть историей, стала работать на современность. Давно я не был таким счастливым, как в эти дни. Целая серия книг: две до революции, гражданская война и 30-е годы. Путь России. Ключик к тому что произошло... Роман о прошлом будет романом о настоящем и будущем..."

Угол зрения на романские события найден. Абрамов хочет писать произведение, какого еще не было: народ и интеллигенция в революции на фоне русской истории ("синтез интеллигенции и народа, неба и земли", решение всех вопросов "в живой атмосфере крестьянской жизни"). Писатель ищет корни русского бытия; отгадка 1917 года кроется для него в особенностях русского характера, который отличает сочетание различных качеств: "бескорыстие", "непрактичность", нравственный максимализм, отсутствие деловитости, склонность к "странным чувствам", "бродажничеству", извечность мечты "о царстве Божием на земле" и т.д. Но определяющими чертами русского национального характера Абрамов считает необычно

венную талантливость и духовность и потому ждет от России “решающего слова для человечества”. Как в “Братьях и сестрах”, так и в “Чистой книге” он связывает воплощение национального идеала с женским образом: “Пока есть Махоньки, Лизы, которые несут в себе историю, Россия не пропадет”. Как видим, итоговая мысль романа, при всей трагичности его содержания, должна была быть оптимистична.

Абрамов долго искал то заглавие романа, которое бы точно выразило его основную мысль (были “Война на Пинеге”, “Обезглавленная Россия”, “Русское поле”), и нашел его в 1978 году, казалось, неожиданно, но на самом деле оно соткалось из чувств и мыслей, владевших писателем постоянно. Абрамову очень близка личность Аввакума, в нем самом что-то было от неистовой страстности расколоучителя. Заглавие подсказала легенда о берестяной книге, написанной протопопом перед сожжением. “Берестяная книга”? “Белая”? “Чистая”? Найденное название писатель определил так: “Очень емкое, оригинальное и в то же время мое”. Почему “мое”? Абрамов утверждал: “Не красота, а чистота спасет мир. Красота бывает страшной, опасной, а чистота всегда благодетельна, всегда красива. К чистоте надо вернуться”. Правда, с моей точки зрения, внутренний смысл слов Достоевского и Абрамова в данном толковании не так уж далеки друг от друга.

Да, “Чистая книга” широко задумана, и даже ее недоосуществленный замысел представляет очень серьезный интерес. Кстати, читая, все время вспоминала Солженицына с его горькими мыслями о том,

как нам “обустроить Россию..” Роман Абрамова рожден тем же патриотическим чувством: болью за судьбу России и верой в то, что она все же найдет свой дальнейший исторический путь. Не стану гадать, какие коррективы наше время могло бы внести в замысел писателя, но, думаю, в главном он остался бы тверд. Объединяет этих крупных художников также мысль о невозможности механического перенесения на родную почву западного опыта, настороженное отношение к парламентаризму, внимание к русской общине, земству... В России, говорит Абрамов, свой свод законов — “свод души во главе с матушкой совестью”.

Несмотря на то что большая часть публикации “Чистой книги” является “конспектом романа”, легко представить его возможный художественный уровень. Писатель с первой строки находит музыкальный строй фразы. Восемнадцать беловых глав выстроены безупречно, написаны языком емким, выразительным — Абрамов повествует о людях, отзывчивых “на игривое слово” (читайте цитируемые отрывки). И сами герои предстают перед нами во всей реалистической полноте в законченных главах, а в черновиках идут поиски неповторимых деталей их облика, поведения, речи... Никакие литературные изыски (однако не считайте меня замшелым консерватором) не портят добротной реалистической манеры письма, которой прекрасно владел Абрамов и которая как нельзя лучше соответствовала решению его глубокой цели.

Несомненно, публикация “Чистой книги” — отрадное событие, достойное самого пристального внимания.